

Степан Стурейко
Европейский Гуманитарный Университет
в Вильнюсе

„Дожинки” и архитектурное наследие: ВОЗМОЖНОСТИ И ИСПЫТАНИЯ ДЛЯ беларусских городов

„Dozhinki” and architectural heritage: opportunities and challenges for Belarusian cities

Belarusian harvest holiday „Dozhinki” is held annually since 1996. 15 regional centers already became its „capitals”. The main feature of the preparations for this festival is a large-scale renovation of the city centers. Rebuilding can be compared to the transformation of the Belarusian cities after the Magdeburg Law adaptation in XV–XVI ct. or by post-war reconstruction. Transformations includes changes in the traces of central streets, building of the major sporting infrastructure and of course renovation of architectural heritage (demolition of buildings – nearly 2–3 monuments in every city; renaming streets; alterations to historic neighborhoods and reconstruction of the iconic monuments; revitalization of central streets, *etc.*). The result of transformation was the serious changing of the cultural landscapes of these cities, disappearing of conventional spaces of memory and artificially implantation of the outside ones. The article highlights the question of how these changes reflect the views of local communities on the semantic filling of the local cultural landscape. How the cultural landscape changes affect the traditions of memory, do they really increase prestige of the cities and the quality of life as it is stated in the official media?

Keywords: „Dozhinki”, Belarus, revitalization, preservation of architectural heritage, urban planning

Беларусские „Дожинки” сегодня – это уже гораздо больше, чем этнографический праздник уборки урожая. Это мероприятие, имеющее политический и экономический смысл. Главной особенностью подготовки к ним является серьезная реновация городского центра, сравнимая по своим масштабам с преобразованиями, производившимися в беларусских городах после получения Магдебургского права в XV–XVI вв. либо с послевоенным строительством в духе социалистического города. Трансформации включают изменения трассировки центральных улиц, возведение крупных

спортивных и других инфраструктурных объектов и, конечно, обновление объектов архитектурного наследия.

До сих пор было неизвестно в какой мере эти преобразования влияют на традиции памяти, городскую идентичность, на ключевые и второстепенные объекты городской истории, свидетельства культурного своеобразия белорусских городов в прошлом и настоящем. Никогда не изучалось мнение локальных сообществ относительно восприятия ими ценности проводимых градостроительных трансформаций. Масштаб фактических преобразований и отсутствие их научного осмысления определили выбор „Дожинок” в качестве объекта исследования, результаты которого представлены в этой статье.

Современная академическая трактовка концепта архитектурного наследия распространилась далеко за пределы повседневного обывательского представления о памятнике и тем более официального юридического определения историко-культурной ценности в Беларуси. Сегодня западноевропейская модель наследия настаивает на том, что оно является естественным элементом антропогенной среды, а также определяющим элементом «исторической», центральной части любого города. В последние годы наследием становится практически все – начиная от сложившейся планировки, собственно старых зданий и памятников, заканчивая элементами уличного и внутреннего декора малыми архитектурными формами и т.д. Под сомнение берется целесообразность сноса всех относительно старых¹ зданий, смена старых советских вывесок, дорожного покрытия, редукция городского озеленения, строительство дорог и новых зданий внутри исторического центра и вблизи него (новые высокие здания могут нарушать сложившиеся визуальные связи). По сути, сегодня абсолютно любые работы в историческом центре и в непосредственной близости к нему могут восприниматься экспертами как угроза целостности исторической среды. Поэтому любые проекты, ориентированные на масштабные трансформации, а подготовка городов к „Дожинкам” является именно таким проектом, обречены на критику общественности и специалистов по охране наследия.

Оправданна ли эта критика? К сожалению, в подавляющем большинстве случаев оправдана. Повседневная обывательская трактовка наследия постепенно приближается к описанной выше академической. Как показывает практика, белорусы при выборе моделей поведения все чаще ориентируются на западноевропейские морально-этические нормы. Несмотря на относительную закрытость страны, наши граждане с удовольствием посещают западные страны, а также столицы соседних постсоветских стран, активно стремящиеся перенимать образцы западного устройства городской среды. Образы „уютного старого города” активно транслируются телевидением, книгами, кинофильмами, становятся частью массовой культуры.

¹ „Старость” здания при этом может трактоваться совершенно произвольно. Наиболее общее представление о старом – все, что не было создано на памяти защитника наследия.

Во многом ценность старого в ее современной трактовке накладывается на естественную потребность человека в наследии, на многовековую историю почитания знаковых городских объектов (Стурейко 2010: 6–21). Если не вдаваться в долгие рассуждения, наличие охраняемого и почитаемого наследия сегодня является неотъемлемой составной частью представления о качестве жизни. Однако конфигурация подготовки белорусских городов к „Дожинкам” не включает в себя именно такого видения наследия, следствием чего становится деформация сложившейся исторической среды районных центров, некорректное и несогласованное вмешательство в ткань города. Все это приводит к тому, что планируемые изменения не достигают заявленных целей, качество жизни в городах повышается лишь по некоторым параметрам, и, следовательно, затрачиваемые колоссальные государственные средства расходуются недостаточно эффективно.

Какие же наиболее явные проблемы воздействия преобразований на наследие можно выделить и как их следует минимизировать? Для ответа на эти вопросы было проведено сравнительное изучение нескольких случаев „дожиночных” преобразований: Мозырь (2001), Волковыск (2004), Бобруйск (2006), Орша (2008), Кобрин (2009), Молодечно (2011). Города выбирались по следующим критериям: расположены во всех шести областях, представляют более-менее равномерную хронологию проведения праздника. Также немаловажным было отсутствие в них ярких архитектурно-исторических доминант (таких как княжеский замок в Лиде, магнатский дворец в Несвиже, церковные комплексы в Полоцке и т.д.), которые отвлекали бы на себя основное внимание жителей в восприятии ими исторического центра своего города и, таким образом, препятствовали бы исследованию феноменологии преобразования наследия. В указанные города были организованы исследовательские экспедиции, изучена местная пресса, проведены по несколько интервью с представителями активной части горожан (как с независимыми активистами, так и с чиновниками). Остальные „пост-дожиночные” города были изучены на основании сообщений прессы, поэтому примеры по преобразованию их исторической среды будут приводиться реже.

Преобразования, проводимые во время подготовки „Дожинок”, имеют ряд особенностей, которые позволяют объединить благоустройство различных белорусских городов в единое явление, подлежащее изучению. Прежде всего, это формально-организационные рамки. В подготовке каждого города участвуют республиканские, областные и местные структуры, существует определенный порядок принятия решений и бюджетирования. Также необходимо отметить наличие своеобразного „дожиночного” стандарта преобразований, в который в обязательном порядке входят ремонт инфраструктурных объектов города (от канализации и путепроводов до вокзалов и гостиниц), строительство крупных спортивных сооружений (с 2006 г. было построено семь Ледовых дворцов), создание пешеходных зон (с 2006 г.) и набережных (с 2001 г.), установка парковой скульптуры

(с 2006 г.) и фонтанов в центре города. Имеет место особое информационное позиционирование, выпячивание идеологической составляющей праздника, представляемого как средство повышения качества жизни малого города и образцового благоустройства. В обязательном порядке предполагается посещение праздника А. Лукашенко. Отличие „Дожинок” от похожих мероприятий – Дней белорусской письменности – заключается в большем бюджете и соответственно масштабе строительства, а также в отсутствии ясных интенций на актуализацией национальной белорусской культуры (даже несмотря на фольклорную подоплеку „Дожинок”).

Практика преобразования исторических центров

Рассматривая практики преобразования „дожиночных” городов нельзя отрицать, что каждый раз мы сталкиваемся с уникальным случаем сопряжения самых разнообразных факторов, детерминирующих конечный результат трансформации. Насколько разнообразны по объему сохранившегося наследия, ландшафтным особенностям, степени развитости инфраструктуры и экономическим возможностям сами города, настолько индивидуальны и принимаемые решения. Тем не менее, после шести экспедиций и бесед с экспертами можно говорить о некоторых общих рамках преобразований, характерных для любого города, принимающего „Дожинки”.

Самым главным эксперты единодушно называют фактор времени и режима экстремальной организации работ. До сих пор за редким исключением окончательное решение о следующей „столице Дожинок” становится известным за 1 год до самого праздника. Серьезные же средства на его подготовку могут быть выделены лишь с началом календарного года.

Для подготовки города каждый раз образовывается специальный Организационный комитет, в который входят представители областной, районной администраций, кураторы на республиканском уровне. Все принципиальные решения по тому или иному объекту, а также по согласованию интересов различных ведомств принимается оргкомитетом на еженедельных заседаниях (так называемых „штабах”), причем архитекторы в нем представлены лишь в небольшом количестве. Разработка предложений по преобразованию основывается на некоем образе „правильного” города, сложившимся у областного и районного руководства, а также у главного архитектора города (отвечает за все архитектурные решения). Естественной канвой «дожиночных» преобразований может выступать генеральный план города, однако, как показывает практика, он мало что регулирует. Также существенный ограничитель – возможности проектных и подрядных организаций, определяемых по результатам заранее проводимых тендеров.

Для экономии времени архитекторы в ходе проектирования стремятся разработать для центральных улиц единые комплексные цветовые решения и способы оформления фасадов. Однако они носят упрощенный характер,

комплексность достигается не индивидуальной созвучной проработкой каждого строения, но за счет воспроизводства одного и того же решения на различных зданиях с минимальной индивидуализацией. Данная особенность организации работы очень вредит памятникам, особенно единичным, стоящим в окружении новых зданий, т.к. здесь проявляется контекстуальность, подчиненность памятника окружению непамятников. В итоге к памятникам применяются те же шаблонные способы оформления, нивелируется их индивидуальность.

Стилистика изменений говорит о недостаточном привлечении дизайнеров, отсутствии оригинальных творческих решений. Для упрощения и ускорения работы обязательно рассматриваются проектные аналоги из предыдущих „дожиночных” городов. С целью обмена опытом организовываются специальные командировки-выезды „оперативных групп”. Это приводит к унификации культурного пространства, затиранию региональных архитектурных особенностей.

Каждый проект должен проходить обязательное согласование с главным архитектором города. Ввиду недостатка времени на вдумчивое рассмотрение проектов нетрудно догадаться, что их утверждение порой поставлено на поток и приобретает формальный характер. Более того, как отметил один из экспертов, в ряде случаев имеет место создание проекта уже в период проведения строительных работ („под готовый объект”). Нередки текущие изменения, упрощения, удешевления подрядчиками проектов уже на стадии их выполнения.

В таких условиях качественная работа с архитектурными памятниками просто невозможна. Так, по закону, работам на памятниках обязательно должно предшествовать комплексное научное исследование (КНИ) объекта. Сама по себе это многосоставная процедура, проведение которой может быть ограничено временем года или особенностями хозяйственного использования здания, а главное – КНИ платное, поэтому его проведение возможно только тогда, когда уже выделены средства. При подготовке же „Дожинок” время на проведение КНИ весьма ограничено. Например, КНИ здания Молодечненского политехнического колледжа было проведено за три месяца, что оценивается экспертами как весьма сжатый срок. Соответственно в такой экстремальной ситуации все процедуры по согласованию проектных решений на памятнике вынужденно упрощаются, проводятся в ускоренном режиме, лишаящем возможности аргументированного обсуждения и улучшения проектов. Так, выездное заседание научно-методического совета по культурному наследию в Молодечно состоялось лишь в первой половине лета 2011 г., т.е. тогда, когда на большинстве объектов работы уже были в самом разгаре. В ситуации недостатка данных для разработки проектной документации и отсутствия времени на дискуссию определяющую роль играет элементарный художественный вкус и такт людей, разрабатывающих и утверждающих конкретный проект.

Вот почему еще одной рамкой, детерминирующей преобразования, можно считать профессионализм исполнителей. К сожалению, этот фактор плохо поддается регламентации. Главный архитектор города, даже будучи высокопрофессиональным специалистом, перегружен многочисленными видами работ, не в состоянии проконтролировать весь строительный процесс. При этом организация-проектировщик чаще всего не местная, специалисты из нее не владеют культурным контекстом города, не понимают специфики пространства, выезжают на натурное исследование будущего объекта всего два-три раза.

В случае с архитектурным наследием в таких условиях огромное значение приобретают личностные качества научного руководителя конкретного памятника. Вновь обратимся к примеру Молодечно. Принятое предварительно решение относительно оформления окружающих зданий совершенно не учитывало интересы памятника² – здания Молодечненского политехнического колледжа, поэтому руководителю пришлось со скандалом продвигать идею о корректной, тактичной реставрации фасадов, о недопущении покраски здания в розовый цвет, хотя эти идеи порой находили на заседаниях оргкомитета сопротивление у главного архитектора. В результате заказчик вынужден был уступить требованиям руководителя под угрозой снятия его с объекта с последующим замедлением темпов работ и угрозой не успеть к празднику. Так проявилась роль научного руководителя.

Отличительной особенностью именно „Дожинок” при проектировании преобразований является ориентация их на внешнего наблюдателя, стремление к достижению показного эффекта. Чаще всего это эффект новизны. Его феномен прочно скреплен с „ценностью нового”. При этом о „ценности старого” и тем более о ценности аутентичности в ходе подготовки преобразований речь практически никогда не идет даже в плоскости риторики.

Для достижения требуемого эффекта при подготовке „Дожинок” большое внимание отводится определению точек развертывания праздничной программы, а также маршруту перемещения официальных лиц. Именно панорамные виды, открывающиеся вокруг праздничных площадок, подлежат самой существенной трансформации. Поэтому же в перечень обязательных объектов ремонта входят городские вокзалы и государственные гостиницы (по крайней мере одна).

Поэтому, например, в Молодечно территория с наибольшей концентрацией памятников – пл. Старое место и прилегающие к ней улицы – оказалась почти не затронутой реконструкцией. Не было сделано попытки превращения этого пространства в туристическое место³, оно никак не было

² Под „интересами памятника” здесь и далее понимается максимально выгодная и тактичная репрезентация и актуализация объекта, включающая научно-обоснованную реставрацию либо реконструкцию.

³ Правда, первоначальные планы благоустройства Молодечно предполагали строительство на этой площади нового торгового центра, однако они так и не были реализованы. Также на площади поставлена плохочитаемая скульптура „Глашатая”.

актуализировано. Даже многие горожане воспринимают площадь в качестве отдаленной окраины с преобладанием „частного сектора”. Между тем, на этом небольшом пространстве имеется несколько интересных аутентичных объектов: церковь, синагога (никак не актуализирована и незаметна для неспециалиста), старые мещанские дома, деревянные срубные здания, которые потенциально могли бы стать основой для возрождения „духа старого Молодечно”, создания рекреационной зоны и т.д. Тем более что площадь после войны уже не несет административно-деловой функции, является старым, дореволюционным центром.

С точки зрения методики преобразований, в городах, принимающих „Дожинки”, происходит широкомасштабная ревитализация общественного городского пространства. Под общественным пространством в данном случае следует понимать именно городской центр, пространство, где встречаются жители из различных районов, а также места, потенциально репрезентирующие город в глазах приезжих.

Общая схема ремонтных работ в основном стандартная – утепление зданий, замена оконных рам на пластиковые стеклопакеты (если здание выходит на центральную улицу), замена покрытия крыш на металлопрофиль, ремонт фасадов, унификация оформления балконов (не везде это получилось). Все новые и капитально реконструированные здания выполнены в современной стилистике. Это максимально функциональные объекты, в оформлении фасадов которых присутствует большое количество стекла и керамогранита. На улице – прореживание зеленых насаждений, мощение тротуаров мелкоштучной плиткой. На пешеходных зонах также – установка стилизованных фонарей и лавок. На зданиях в центре устанавливается подсветка, однако по информации местных жителей, после праздника ее почти никогда не включают.

Фасады практически всех зданий окрашиваются в мягкие постельные или кремовые цвета – мягко-зеленый, бежевый, светло-розовый и т.д. Одинаковым цветом окрашиваются все здания, без разделения на исторические и современные. Так, в Молодечно в розовый и бежевый цвета были покрашены неоклассицистические здания – например, районная библиотека им. Максима Богдановича, имеющая статус историко-культурной ценности. Исключением благодаря принципиальной позиции научного руководителя памятника стало здание колледжа на Центральной площади, сохранившее оригинальный серый цвет.

Многие здания получили сложную окраску – на фасад и боковые стены наносились различной ширины полосы таких же мягких, невыразительных цветов. Большинство из подобных цветовых решений нельзя признать удачными. Любопытно, однако, что один из проектировщиков, с которыми удалось поговорить, оценивает такие решения с точки зрения эстетического эксперимента („поиграли различными цветами”).

По большому счету при проведении работ памятники не воспринимаются строителями как особо ценные объекты, не обеспечиваются их инте-

ресы, отношение к ним такое же, как и к остальным зданиям. В ряде случаев здания с особо выразительными фасадами (например, из неокрашенного кирпича) не подвергаются изменениям, однако так происходит не всегда. Как правило „жертвами” подготовки к празднику становятся старые деревянные дома. Так произошло в Мозыре, в Орше, в Волковыске, центры которых почти полностью были избавлены от деревянной архитектуры. Напротив, в Кобрине на центральной пешеходной улице такие дома были сохранены. На памятниках архитектуры проектами ремонтов не предусматриваются интерпретационные элементы декора.

Исторические здания не воспринимаются как актив, который можно в последующем выгодно использовать. В этом смысле показная парадность „Дожинок” диктует необходимость обязательного избавления всего, визуально нарушающего „чистоту и порядок” в городе. Пустующее историческое здание, являясь признаком бесхозяйственности, не вводится в хозяйственный оборот, а уничтожается. В юридическом смысле многие 100-летние здания в белорусских райцентрах до сих пор не имеют охранного статуса, следовательно для их сноса не существует большого количества формальных препятствий.

Пример реконструкции здания „Белагропромбанка” в Орше, являющегося памятником советского конструктивизма 1930-х гг., подтверждает, что в первую очередь в объекте ценятся его функциональные и репрезентативные ценности, и лишь во вторую очередь – его ценности как памятника. „Дожинки” закрепляют эту особенность современного белорусского восприятия.

Во время экспедиций были зафиксированы элементы легкой ретроизации городского пространства – это связано с наличием в городе предприятий, занимающихся ковкой либо литьем. В связи с этим город украшают кованые козырьки, перила, лавки и т.д. (это было особенно заметно в Кобрине, Бобруйске и Молодечно). Фонари на центральных пешеходных улицах также выполнены в ретро-стилистике. Однако она не апеллирует ни к какой определенной эпохе, не подчеркивает идентичность города. Также в Кобрине несколько советских двухэтажных зданий на ул. Суворова при реконструкции получили „старинные” обрамления оконных проемов, в Волковыске была возведена псевдоисторическая арка между двумя жилыми зданиями. Интенции на ретроизацию показывают противоречивость творческих устремлений белорусских архитекторов, вынужденных в рамках торжества новизны отражать также описанную во введении тенденцию усиления почитания старого, медленно распространяющуюся в белорусских городах.

Достижения и утраты архитектурного наследия, связанные с „Дожинками”

Безусловно, необходимо выделить конкретные достижения и упущения в сфере охраны наследия, которые были осуществлены благодаря „Дожинкам”.

К достижениям „Дожинок” можно отнести реставрацию памятника архитектуры «Дом на рынке» (барокко, начало XVIII в.) в Несвиже в 1998 г. После «Дожинок» там была размещена детская библиотека, с 2004 г. открыта музейная экспозиция. Также имела место реставрация несвижской ратуши. В 2000 г. в Шклове также была проведена реконструкция ратуши с торговыми рядами (после „Дожинок” здесь разместилась гимназия). В 2001 г. в Мозыре были активизированы работы по созданию Мозырского замчища (сам этот бутафорский объект открылся в 2005 г.). В 2002 г. в Полоцке произведена покраска Софийского собора, выполнено благоустройство территории возле Софийского и Богоявленского соборов, Спасо-Евфросиниевского монастыря, проведен ремонт бывшего иезуитского коллегиума XVIII в. (во время проведения „Дожинок” в нем была открыта художественная галерея). В 2003 г. в Пружанах реконструированы торговые ряды XIX в. – там открылся торговый центр. В Волковыске в 2004 г. произведено благоустройство археологического памятника „Шведская гора”, выполнена реконструкция дома-музея П.И. Багратиона – памятника XIX в. В Слуцке в 2005 г. проведено благоустройство замчища. В Бобруйске в 2006 г. восстановлен внешний облик Свято-Никольского кафедрального собора 1835 г. (восстановлен фасад, проведено оштукатуривание и покраска в белый цвет, возведены 3 купола) и выполнено благоустройство территории Бобруйской крепости.

Орша выделяется нетипично большим объемом затронутых памятников. В 2008 г. в городе благоустроили территорию оршанского замчища, реконструировали здание старой водяной мельницы 1902 г. (там разместился этнографический музей „Млын”) и прилегающий к нему мост; была благоустроена парковая зона отдыха протяженностью 3 км, куда вошли историческое место основания Орши, церковь Св. Михаила, костел Св. Иосифа. Также была проведена реконструкция некоторых исторических зданий в центральной части города (гимназии, ЗАГСа и др.). Главным событием для Орши стала комплексная реконструкция коллегиума иезуитов с бурсой (после ремонта здесь расположилась детская библиотека, музей, галерея, отдел культуры горисполкома, ЗАГС и кафе).

В Кобрине в 2009 г. благоустроили старый городской парк им. А.В. Суворова (конец XVIII в.). В Лиде в 2010 г. был завершён первый этап реконструкции Лидского замка (восстановлены западная стена, южная башня, внутренняя галерея), правда эта реконструкция является более чем спорной.

Как уже говорилось, общим местом „дожиночных” преобразований стали ремонты железнодорожных вокзалов, которые во многих городах также являются памятниками архитектуры. К сожалению ремонтные работы зачастую не подчеркивают историчность старых зданий, сводятся к так называемому „евроремонту” в самых китчевых его проявлениях.

Перечислив достижения, перейдем к утратам старой архитектуры, спровоцированным форсированными темпами благоустройства городов к «Дожинкам». Так, в Волковыске в 2004 г. неудачно отремонтированы некоторые единичные здания начала XX в. В Слуцке в 2005 г. произведен снос земской больницы, здания XIX в. (на ее месте теперь „благоустроенная” территория, прилегающая к новой бане). В Речице в 2007 г. имел место снос женской гимназии также XIX в., входившей в туристический маршрут „Золотое кольцо Гомельщины”, кроме того была взорвана старая водонапорная башня в центре города. В Орше насыщенные преобразования оставили не только положительный след: снос деревянной застройки по ул. Советской (12 домов), ул. Могилевской и одного дома по ул. Минской, а всего в исторической части города снесли около 40 домов (в т.ч. объект XVIII в.). Жертвой поспешности можно назвать и Лидский замок. В Горках в 2012 г. не смогли предотвратить снос дома на территории академгородка, в котором жил Максим Горький.

Как видно, список „дожиночных” потерь не такой длинный, как список достижений. Однако дело в том, что в него не вошли десятки старых зданий, подвергшихся современным ремонтам (оштукатуриванию, облицовке сайдингом, металлокакетами либо иными материалами), перестройкам, кардинальным перепланировкам и т.д., что полностью нивелировало их исторический дух. Некорректные ремонты можно уверенно классифицировать как повреждения фасадов исторических зданий (классический пример – здание „Белагропромбанка” в Орше). Порой в прессе и в комментариях чиновников можно встретить мнение, что даже простой косметический ремонт старого здания создает перспективу его относительного сохранения. Однако некорректный ремонт памятника – это прежде всего упущенная возможность грамотной реставрации, т.к. суммы, затраченные на ремонт весьма велики и скорого повторного возобновления работ на том же объекте впоследствии не предполагается. В результате некоторые аутентичные элементы строения уже утрачены, а настоящая реставрация откладывается на неопределенный срок.

Еще один общий недостаток „дожиночных” преобразований – проблематичность организации археологических раскопок. В результате масштабных земляных работ, когда меняется дорожное покрытие, раскапываются траншеи и т.д., огромные пласты культурного слоя белорусских городов были утрачены безвозвратно. В лучшем случае за строительными работами организовывается археологический надзор. Причина этого – тотальный недостаток времени на подготовку города к празднику.

Анализируя практику воздействия на архитектурное наследие, сложившуюся во время подготовки к „Дожинкам”, можно констатировать отсутствие системности при определении объектов для реконструкции либо реставрации. При подготовке праздника отсутствует время на разработку комплексных программ реконструкции памятников. Более того, практически нигде не происходит восстановление утраченного наследия. Восстановление старой застройки, снесенной во времена СССР – городских ратуш, костелов, церквей, восполнение рядовых зданий вообще за редчайшим исключением не входит в намерения архитекторов и строителей (при этом реальное восстановление ввиду недостатка средств можно было бы например заменить актуализацией памятников средствами дизайна, что также не делается).

Например, эксперты отмечали, что в ходе последнего советского этапа благоустройства Мозыря в центре, в т.ч. на пл. Ленина и прилегающих улицах была снесена масса старых зданий (на их месте теперь газоны). Во время подготовки к «Дожинкам» проблема восстановления этих зданий даже не обсуждалась. Некоторые информанты искренне не понимали вопроса о целесообразности восстановления, считая исключительно положительным явлением избавление города от ветхих строений.

Вообще довольно трудно говорить на материалах «дожиночной» работы с памятниками о какой-либо осознанной и продуманной политике памяти. Те объекты, которые были реально восстановлены или отремонтированы, обрели свою «вторую жизнь» не благодаря усилиям местной администрации либо групп любителей старины, а скорее потому что просто не могли не быть замечены. Чаще всего речь идет о таких объектах, восстановление которой являлось „городской мечтой” еще со времен волны национального возрождения начала 1990-х гг., и воплощению которых были посвящены не только чаяния местной интеллигенции, но и практические разработки архитекторов и реставраторов задолго до решения о проведении „Дожинок”. В этом смысле „Дожинки” выполнили лишь роль катализатора давно назревших и даже перезревших реконструкций. Впрочем, в советское время реализация даже такого ограниченного круга объектов была практически немислимой, и их выполнение свидетельствует все же о постепенном разбавлении и замещении советского культурного ландшафта.

Трансформация идентичности города

Поскольку мы говорим о наследии в гораздо более широком смысле нежели о совокупности охраняемых единичных объектов, в его актуализации и сохранении играет важнейшую роль сам образ города, его историко-культурный имидж, маркеры городской идентичности и памяти, разбросанные в городском пространстве. Поэтому в данном разделе речь пойдет о преобразованиях, которые лишь косвенно затрагивают официально признанные памятники.

Важным фактором формирования образа города и его идентичности является создание музейных экспозиций. С помощью музея можно показать этапы истории города, расставить необходимые акценты, в музее можно виртуально реконструировать утраченное наследие, рассказать о жителях, о вкладе города в национальную историю и т.д. Деятельность музея как института и как регулярного культурного учреждения предполагает постоянную внешнюю работу – проведение экскурсий для жителей и гостей города, участие в обсуждении проектов благоустройства, лоббирование установки интерпретационных элементов городской среды, проведение культурных мероприятий и т.п. В ходе подготовки к „Дожинкам” средства на районные музеи действительно выделяются. Однако они расходуются либо на решение хозяйственных проблем, либо на воспроизводство экспозиции в рамках устаревшей концепции районного краеведческого музея, в которой в общих чертах показывается история района от каменного века до современности (на площади одного-двух залов). При таком подходе история собственно города совершенно теряется на фоне истории района. Городские события лишь упоминаются в числе прочих, да и то не на каждом музейном стенде. В ряде городов (Волковыск, Кобрин) вместо краеведческих музеев действуют военные мемориальные музеи, которые также почти не освещают историю самого города. Таким образом музеи почти не совершают вклада в формирование идентичности города, и „Дожинки”, даже способствуя финансированию, не меняют положения дел.

На восприятие старого города, стоящих в нем зданий и их окружения очень сильно влияет создание пешеходных улиц. Происходит это в „дожиночных” городах повсеместно. В большинстве случаев выбор конкретной улицы осуществляется не исходя из текущих эстетических предпочтений администрации, но в соответствии с разработанным генеральным планом. В настоящее время практически все генеральные планы белорусских городов предполагают создание пешеходного центра. В этом случае „Дожинки” вновь выступают в качестве „ускорителя” трансформации. Однако сам смысл пешеходной улицы заключается в образовании комфортной, соразмерной человеку среды, в которой могли бы совмещаться деловые, рекреационные и культурные функции. В реализации последних двух большую роль играет именно актуализация с помощью интерпретационных технологий (информационные стенды, шильды, мемориальные доски, малая „историческая” скульптура и т.д.) архитектурного наследия. К сожалению, ничего этого на новых белорусских пешеходных улицах не присутствует. Фасады исторических зданий на этих улицах ремонтируются точно по тем же принципам, что и в остальных частях города, интересы объектов наследия не соблюдаются. В результате улица не приобретает новых смысловых нагрузок, а учитывая общий недостаток культурных учреждений и вовсе остается пустынной, не востребованной жителями.

Весьма заметным итогом подготовки городов к „Дожинкам” можно назвать установку большого количества скульптурных композиций различ-

ного размера и смыслового наполнения. Скульптуры также могут менять восприятие некоторых уголков города, отражать ключевые исторические моменты либо «мемориализировать» типичные сцены городской жизни.

Вот примерный список основных действий со скульптурами, произведенными во время подготовки к празднику. Столин (1996): обновлен памятник погибшим в Великой Отечественной войне. Мозырь (2001): установлены памятник А.С. Пушкину напротив кинотеатра и фонтан со скульптурой «Три грации», перенесен памятник В. Хоружей. Пружаны (2003): установлены металлическая арка „Герб города”, памятный знак „Рождение реки Мухавец”, постамент для памятника сожженным деревням. Волковыск (2004): реконструирован памятный знак – самолет МИГ-15 (в честь летчиков, освобождавших Волковыск), отремонтирован мемориал освободителям Волковыска, установлена стела. Слуцк (2005): установлены бронзовая скульптура красноармейца-освободителя на фоне замчища, памятники Воину-освободителю и Софии Слуцкой, а также въездной знак. Бобруйск (2006): установлена бронзовая скульптура бобра. Орша (2008): обновили памятный знак освободителям Орши, мемориал „Катюша”, перенесли памятник В. Короткевичу, установили памятник воинам-интернационалистам, скульптуры Гулливера и сказочных персонажей. Кобрин (2009): установили скульптурные композиции основателям города (князю Владимиру Васильковичу и княгине Ольге), композицию „Купалле” с фонтаном; скульптуру боцмана с попугаем на набережной. Лида (2010): возведены стела к 2000-летию христианства, скульптуры „Лев с ключами от города”, „Сноп колосьев”, „Банщик”, „Командировочный с чемоданом”. Молодечно (2011): состоялся перенос памятного камня „Пакутнікам за незалежнасць Беларусі” (установлен за оградой городского парка), установлены скульптуры-фонтана „Купалле”, фигурной композиция с часами на ул. Великий Гостинец, скульптура с текстом указа об основании Молодечно в 1388 г. („Глашатай”), композиция „Покров Пресвятой Богородицы” на въезде в город, скульптура бронзовой пассажирки („Приезжая”) на территории вокзала. Горки (2012): установлена скульптура студентов, читающих книгу.

Самостоятельным явлением стала мемориализация самого праздника. „Дожинки” в ряде городов олицетворяются жителями как „третье рождение” города (после летописного основания и послевоенного возрождения). Поэтому в Столине была построена новая улица – Дожиночная, в Пружанах установлены валуны с выбитой информацией о „Дожинках” и историей города, в Кобрине установлен памятный камень в честь «Дожинок» (на нем помимо прочего запечатлены имена А.Г. Лукашенко, К.А. Сумара и П.П. Прокоповича), в Молодечно посажена аллея „Дожинок”.

Памятники В.И. Ленину, поскольку они всюду находятся на центральных площадях, претерпели некоторые изменения: снос трибун у подножья (Мозырь), перемещение на менее центральное место (Слуцк), понижение постамента (Бобруйск), замена облицовки, покраска и т.д. Наконец, в Горках Ленина вовсе перенесли с центральной площади.

Обобщая приведенный довольно длинный список, можно выделить ряд тенденций. Большинство работ касаются обновления существующих памятников. Установка новых – довольно редкое явление. Даже если такое происходит, большинство скульптур безличны. Если скульптура имеет привязку к местности, то чаще всего это изображения „основателей” города либо его современного официального герба. Очень редко имеет место осознанная мемориализацией определенных событий либо исторических личностей. В большинстве городов центральные площади даже после „Дожинок” украшены памятниками Ленину, которые самым очевидным образом диссонируют с общими тенденциями десоветизации городского пространства и постсоциалистического развития белорусского общества, полностью утратили политическое и патриотическое значение.

В последние пять лет набрала обороты тенденция установки парковой скульптуры, которая в основном является элементом благоустройства. Различия между парковой скульптурой и памятниками как таковыми скорее формальны. Парковая скульптура не требует согласования в высших государственных органах. Однако сложность согласования памятников не может быть признана достаточным оправданием отказа от их установки. Во-первых, в ряде случаев памятники все же устанавливаются. Во-вторых, подготовка к „Дожинкам” так или иначе представляет собой совокупность сложнейших административных процедур, и добавление к ним еще нескольких операций по выбору и согласованию памятника не может принципиально усложнить дело.

Основная монументальная тема, к которой обращаются скульпторы во всем мире – это борьба народа за независимость, события средневековой истории, монархи и т.д. Однако, по утверждению одного из опрошенных экспертов, в Беларуси по молчаливому согласию членов оргкомитетов „Дожинок” эта тема не поднимается.

Так, дважды в Брестской области пытались к „Дожинкам” установить памятник королеве Боне Сфорце – в Пружанах и Кобрине, и оба раза эти проекты были отклонены. Характерен пример обсуждения установки новых скульптур и памятников в Молодечно, где на заседании Республиканского художественно-экспертного совета при Министерстве культуры предлагалось: убрать памятник Ленину с центральной площади; не переносить камень «Пакутникам за незалежнасць», а придать ему монументальное оформление (возможно, в форме стилизованной небольшой часовни); установить памятник Янке Купале; восстановить стилизованный образ молодеченской триумфальной арки (снесена в 1958–1959 гг.). Были же поддержаны в основном проекты, никак не увязанные с идентичностью города.

Приходится констатировать, что и средствами скульптуры идентичность города подчеркивается, актуализируется недостаточно, а возможности, связанные с обеспечением необходимого финансирования продуманных монументальных проектов, упускаются, в то время как в реальности немалые деньги тратятся на „украшательства”.

Орша и Бобруйск: противоречия целостного восприятия

В этом разделе хотелось бы привести два противоположных примера, когда „Дожинки” не дали городу ничего принципиально нового и когда возможности, предоставляемые „Дожинками”, были реализованы по крайней мере отчасти. Речь пойдет о Бобруйске (2006 г.) и Орше (2008 г.) – сравнительно больших городах, каждый из которых может похвастаться интересными памятниками. Объем проведенного благоустройства, ремонта и строительства новых объектов в этих двух городах был схожим, однако результаты и общее впечатление о преобразованиях весьма различно.

Бобруйск представляет собой город, в котором „Дожинки” практически не затронули историко-культурное наследие. Это тем более странно, т.к. количество архитектурного наследия в городе весьма велико. По сути Бобруйск сохранил в очень хорошем состоянии весь свой исторический центр. Нетронутыми с начала XX в. сохранились целые кварталы, улицы и торговые площади, состоящие в основном из одноэтажных еврейских кирпичных и деревянных домов с богатым декором, в основном из красного кирпича.

Парадоксальным образом, помимо ряда специалистов, местные жители не идентифицируют этот район города с наследием, которое необходимо охранять. В их сознании наследием является прежде всего Бобруйская крепость, а также ул. Социалистическая („Социалка”), ставшая после „Дожинок” пешеходной.

Бобруйск представляет собой идеальный пример того как важна преемственность поколений, континуум передачи-принятия памяти и ее материальных носителей в развитии и креативном сохранении городской среды. Бобруйск, как никакой другой в Беларуси город, имел высокий процент еврейского населения, которое после войны было практически полностью замещено. Новые горожане являлись носителями совершенно иной белорусской, советской либо сельской культуры, не могли адекватно воспринять доставшуюся им архитектуру. Вероятно отчасти этим можно объяснить проблему бесхозяйственности, наличия в городе большого количества заброшенных старых зданий. „Дожинки” не решили данную проблему, и здания, за исключением старой водонапорной башни, переоборудованной под ресторан, продолжают разрушаться.

Еще одна проблема – намеренное либо ненамеренное затирание памяти о бобруйских евреях. Сохранение любого наследия требует прежде всего выработки некой интерпретационной модели. В случае с Бобруйском естественная еврейская интерпретация уже затерта, а новая не разработана, на ее разработку у города похоже не хватает интеллектуальных, человеческих ресурсов и т.д. Так, местный краеведческий музей совершенно не отражает еврейскую тему бобруйской истории, что поразительно, т.к. по идее она

должна была быть стержневой для восприятия городской идентичности. Однако ни одна из увиденных охранных шильд не содержит упоминаний о еврейском характере наследия (хотя есть упоминания о советской власти, о Великой Отечественной войне и т.д.). Так называемая «Аллея праведников» в Бобруйске специально или случайно имеет весьма скромный, ничем не выделяющийся мемориал. Возможно даже не все жители города осведомлены о ее существовании.

Объекты, затронутые „Дожинками”, это отчасти ул. Социалистическая, ул. Пушкина и бобруйская крепость. В целом во время подготовки к празднику неприглядные старые здания не сносили, а просто старались „спрятать” от гостей. Большинство старых улиц „Дожинки” никак не затронули, лишь на некоторых из них поменяли дорожное покрытие и установили декоративные навесы «под старину» над водяными колонками. Среди полностью обойденных вниманием улиц – описываемая в еврейской мемуарной литературе ул. Инвалидная (теперь ул. Энгельса). Власти и жители города не реализовали возможность, предоставляемую „Дожинками”, для благоустройства этой улицы, уже не говоря о ее интерпретации. В целом по городу все благоустройство старых кварталов свелось к сносу сараев и нелегальных гаражей, ревитализации пространства без какого-либо учета его исторического характера.

Еще один нереализованный объект – единственный действующий городской костел, пострадавший в советское время. Ксендз Юрий Быков пытался в преддверии праздника убедить городские власти в необходимости демонтажа административного здания, пристроенного к алтарной части костела и восстановления первоначального неоготического фасада, однако эти предложения не встретили понимания.

Бобруйская крепость – пожалуй, единственный объект, выигравший от „Дожинок”. Праздник был использован для привлечения внимания городской общественности и руководства страны к разрушающемуся объекту. Правда сделано это было довольно своеобразно – через закладку и последующее строительство в центре крепости ледового дворца, второго по величине в Беларуси. Однако благодаря этому за окружающей арену территорией стали ухаживать, сохранившиеся крепостные сооружения вызывают интерес у горожан, среди них проложены дорожки, пространство „ожило”.

Крепости очень не хватает интерпретационных мероприятий. Во время посещения не удалось обнаружить даже элементарного стенда, рассказывающего о ее истории, обозначившего основные сохранившиеся крепостные объекты. Уже проведенные ревитализационные мероприятия дают надежду, что вопрос будущего крепости станет предметом общественной дискуссии. Любопытно также, что крепость является практически единственным коллективно признаваемым объектом наследия в городе. Вероятно связано это с присутствием в городе большого количества бывших военных, для которых милитаристическое наследие понятно и привычно, общим беларусским историческим дискурсом, где история страны рассма-

тривается как последовательность военных кампаний и в тесной связке с российской историей.

До сих пор нерешенной остается судьба самого старого здания в Бобруйске – сильно перестроенного, а теперь заброшенного иезуитского костела, рядом с которым восстанавливается разрушенная прежде православная церковь.

Единственной скульптурой, установленной к „Дожинкам”, стала бронзовая фигура бобра, с еврейскими мотивами в облике. Бобер пользуется среди горожан большой популярностью. Отдельные элементы скульптуры натерты до блеска, фотографироваться с бобром – популярное занятие среди горожан. Данная скульптура вписалась в городское пространство лучше всего по сравнению с прочими подобными бессодержательными скульптурами, установленными в других «дожиночных» городах. Вызвано это, вероятно, тем, что статуя хотя бы относительно апеллирует к городской идентичности, установлена на пересечении пешеходных потоков.

Таким образом, Бобруйск лишь в самой минимальной степени воспользовался тем окном возможностей, предоставляемых „Дожинками” для сохранения и развития собственного наследия.

Напротив, при подготовке к оршанским „Дожинкам” в городе была проведена масса мероприятий, подробно описанных в предыдущих разделах статьи. Самым важным объектом, который по большому счету определил организацию пространства в центре города, стал бывший иезуитский коллегиум. В ходе реконструкции здания, прежде бывшего тюрьмой, в нем сделали высокую крышу, башню с часами, а также богато декорированный фасад. В обновленном здании разместились кафе, ЗАГС, картинная галерея и управление культуры Оршанского райисполкома. Пространство вокруг коллегиума включает благоустроенную набережную, места отдыха, автомобильную стоянку. Рядом с коллегиумом фотографируются молодожены. Видно, что территория активно используется, а шпиль с часами стал одной из доминант городского пространства. К сожалению, в ходе реконструкции были снесены некоторые элементы старой монастырской ограды.

Рядом с коллегиумом, на противоположной стороне р. Оршицы, расположено здание восстановленной церкви. Оба объекта существенно обогащают пространство.

Качество самих проектов трудно оценивать. С одной стороны, они еще далеки от серьезных европейских реставрационных образцов. С другой стороны, само наличие названных преобразований свидетельствует о поднятии в городе интереса к историческим памятникам. Если учесть, что их разработкой занималось одно и то же предприятие „Витебскпроектреставрация”, можно сделать вывод об определенных его успехах в лоббировании собственной деятельности. Как утверждали местные жители, в настоящее время ведется обсуждение восстановления еще нескольких городских монастырей, находящихся в данный момент в состоянии руин.

Вместе с тем, необходимо обозначить и проблему неуважительного отношения к некоторым ценным оршанским объектам. Итогом подготовки к „Дожинкам” стало полное уничтожение в городе старой деревянной архитектуры, которая могла представлять интерес. Причиной сноса в т.ч. одного кирпичного здания стало нежелание выделения бюджетных средств на их ремонт, а также малоценность и малозначительность в глазах городской администрации. К разрушению исторических зданий и жители относятся в целом сдержанно. Из всех снесенных памятников респонденты сожалеют только о кирпичном здании начала XX в. по ул. Минской.

Жители Орши довольно отзывчивы, с удовольствием рассказывают о собственном городе. По мнению экспертов, Орша благодаря реконструкции коллегииума наконец-то вышла из фольклорного образа «три тюрьмы, ни одного театра». Средства, потраченные на это, быть может не дадут долгосрочного экономического эффекта, однако они уже придали некоторый импульс развитию города.

Парадокс двух рассмотренных примеров заключается в том, что актуализация наследия и позитивное восприятие трансформации образа и идентичности города зависит от восстановления и умелой интерпретационной работы хотя бы с единичными знаковыми историческими объектами. Даже несмотря на то, что памятники Орши пострадали в ходе „дожиночных” преобразований больше, чем памятники Бобруйска, по общему впечатлению жителей и гостей Орша после проведения „Дожинок” „выигрывает”. Таким образом, даже робкие, не до конца продуманные строительные мероприятия, проводимые в интересах наследия, сообщают подготовке к празднику дополнительный положительный эффект, способствуют воспитанию у жителей гордости за собственный город, его историю и культуру. Это, несомненно, сказывается на повышении комфорта жизни после преобразований.

Проблема участия местных сообществ в судьбе городского наследия

Одним из фокусов проведенного исследования было выяснение способов, которыми местное сообщество историков и людей, равнодушных к наследию, влияет либо может влиять на практики трансформации городов и актуализацию тех или иных памятников, персоналий, событий локальной либо национальной истории. Беседы со специалистами показали, что такое влияние минимально. Причиной этого можно назвать обоюдное нежелание диалога как со стороны историков, так и со стороны людей, ответственных за принятие решений.

Одной из существенных проблем этого процесса является отсутствие в изученных городах академических сообществ, способных генерировать определенные идеи относительно наследия. В большинстве белорусских

районных центров нет университетов с историческими факультетами. В лучшем случае это филиалы столичных ВУЗов, в которых в рамках общеобразовательной подготовки преподается история Беларуси. Музейные специалисты могли бы стать основой таких сообществ, однако не становятся. Работа в районных краеведческих музеях не очень престижна, музеям трудно привлекать к себе ярких, инициативных сотрудников. Респонденты указывали, что определенную роль в жизни города может играть директор музея, однако проследить действительный вклад директора в проектирование преобразований и операции с наследием пока не представляется возможным.

Более активны местные группы краеведов и активистов общественных объединений. Эти люди зачастую оказываются единственными, кто отстаивает интересы памятников. Зачастую они не обладают достаточным социальным весом для реального воздействия на ситуацию с охраной и интерпретацией наследия. В ряде городов благодаря их деятельности были установлены памятники, мемориальные доски (Волковыск, Молодечно, Орша), однако в ситуации быстрого принятия решений, как это происходит во время подготовки к „Дожинкам”, их мнение не учитывается. Можно привести несколько примеров конфликтных ситуаций: снос дома М. Горького в Горках, перенос камня „Пакутнікам за незалежнасць Беларусі” в Молодечно, снос ряда кирпичных и деревянных строений в Орше. Все три случая получили в свое время национальный резонанс, однако лишь в последнем удалось добиться спасения одного дома из нескольких. Справедливости ради необходимо отметить, что в большинстве рассмотренных городов преобразования не затрагивали религиозные здания (большая часть из которых тоже памятники) и, соответственно, объединения прихожан, поэтому возможная реакция групп, консолидированных на более широкой основе нежели охрана наследия, нам не известна.

При подготовке к празднику оргкомитеты недооценивают роль общественных обсуждений преобразований. Между тем существуют специальные методики по выявлению проблематики города, его культурной и исторической структуры (Garnham 1985; Глазычев, Егоров, Ильина 1995), которые, будучи применены на практике, могли бы поднять уровень трансформации на качественно новый уровень. Возможно имело бы смысл привлечение сторонних экспертных организаций, которые могли бы выступать посредниками между жителями, архитекторами и строителями.

Продуктивность подобного подхода показывает пример уже упоминавшегося ремонта здания Молодечненского политехнического колледжа. При принятии решения по ремонту данного памятника не учитывалось мнение директора колледжа, однако в ходе общения с научным руководителем объекта сотрудники учреждения охотно оказывали консультационную помощь, активно делились собственными представлениями о необходимости возрождения оригинального облика здания.

Складывается общее впечатление о явной недооценке жителями городов и городской администрацией историко-культурного потенциала города. В ходе интервью не раз доводилось слышать о том, что в городе не осталось памятников, что в нем нечего смотреть, и оттого нет туристов. На замечания о довольно большой концентрации религиозных, военных или иных памятников следовала удивленная реакция. Зачастую опрошенные информанты, являясь творческими людьми с активной жизненной позицией, не могли назвать исторических личностей, достойных увековечения в городе. Между тем в культурном ландшафте городов никак не обозначены целые эпохи, государственные периоды истории (ВКЛ, Речь Посполита, Российская Империя, Польшая Республика для городов западной Беларуси).

При этом интересно отметить, что у каждого из городов есть хорошо мемориализированный символический герой, известный человек. Это М.К. Огинский и Молодечно, В.С. Короткевич в Орше, П.И. Багратион в Волковыске. Их знают, их называют, и если в ходе „Дожинок” вообще актуализируются какие-то исторические имена, то это они и есть, многократно повторяемые. Например, личность А.В. Суворова является доминантной в культурном ландшафте Кобрина. Даже холл отремонтированного ресторана „Кобрин” украшен портретом Суворова. В городе есть 3 памятника ему, гостиница „Суворов”, улица и музей. Складывается впечатление, что горожанам достаточно иметь одного героя. Тем не менее, в разговорах с местными жителями Суворов не воспринимается как историческая личность, скорее как „бренд”, символ, не имеющий серьезного культурного и патриотического наполнения.

В целом для жителей, за исключением собственно историков, характерно типичное незнание истории Беларуси. Также на вопрос о необходимости установки новых памятников историческим деятелям никто не говорил об общенациональных героях вроде Василя Быкова или Кастуся Калиновского.

Таким образом, даже при наличии сформировавшихся локальных сообществ, их потенциал по разным причинам не раскрывается, а влияние на актуализацию и трансформацию наследия не ощущается. Памятники до сих пор практически не становятся фактором общественной консолидации, а потому любая масштабная строительная активность, будь то комплексное благоустройство либо реализация мелких проектов, несет в себе потенциальную угрозу их существованию.

Итоги исследования

В ходе обсуждения промежуточных результатов исследования экспертами высказывалось мнение, что проблематика корректного отношения к старой архитектуре и актуализации наследия является скорее привнесённой самими учеными, искусственной постановкой вопроса по отношению к исследуемым городам и их жителям. Однако тенденции распространения

идеи ценности старого показывают, что так или иначе в ближайшие десятилетия почитание старины войдет в норму повсеместно. Не получится ли так, что к тому времени количество важных объектов уже сократится из-за непродуманного „благоустройства”?

Анализируя результаты 16-летней практики подготовки городов к „Дожинкам”, можно сделать некоторые выводы. Показывая достижения и удачные находки в решении многих проблем белорусских районных центров, в области охраны и интерпретации историко-культурного наследия „Дожинки” пока что не смогли стать инструментом качественного обновления. Главный бич подготовки города к празднику, причина принятия неудачных решений в благоустройстве, а также некорректного обхождения с памятниками – это спешка. При таких темпах, когда городская и областная администрации стремятся полностью преобразовать город менее чем за один год, не может идти речи о качестве. Если такой экстремальный режим будет сохраняться, вероятно стоит ввести своеобразный мораторий на реновацию объектов наследия. В большинстве случаев их консервация в современном состоянии будет даже более предпочтительна, нежели такое поспешное и непродуманное обновление.

Еще одно очевидно слабое место подготовки – большая доля примитивного копирования проектных решений из опыта предшествующих городов. То, что однажды удачно было придумано и применено в одном регионе, при повторении может не состыковаться с местной спецификой, в итоге будет способствовать унификации городского ландшафта, а то и нести прямой вред местным памятникам.

„Дожинки” представляются лакмусовой бумажкой, проявляющей актуальное состояние культуры белорусской провинции, уровень осознания городской идентичности, отношение к собственному прошлому и настоящему. Разбавляется, изживает сам себя, советский культурный ландшафт, но пока что горожане не в состоянии найти ему осмысленную замену. Колесо благоустройства крутится пока что вхолостую.

Наиболее продуктивным представляется видение „Дожинок” в качестве программы либо „окна возможностей” для реализации культурных и социальных амбиций городских жителей. В том числе, безусловно, амбиций, затрагивающих местные памятники. Помимо технического сохранения белорусским городам отчаянно не хватает продуманной программы актуализации и интерпретации собственного наследия, причем не продиктованной сверху, а созданной местными локальными сообществами историков, архитекторов, культурологов и т.д. Однако сегодня ситуация такова, что сами эти сообщества необходимо культивировать. В любом случае городской и областной администрациям целесообразно пользоваться услугами учреждений, имеющих опыт качественного проектирования насыщенных культурных ландшафтов. Основой преобразований должна быть концепция, принятая коллегиальным решением местных сообществ, специалистов-гуманитариев и архитекторов.

Ну а пока следы „Дожинок” постепенно стираются. Все связанные с ними конфликты сходят на нет, „Дожинки” мифологизируются, становятся одним из многих событий городской истории. После них в городах проводятся Дни белорусской письменности, городские юбилеи, фестивали и т.д. Новые преобразования также приурочены к очередным праздникам, также поспешны, хотя и не так масштабны. Они носят другой вектор, реализуются недоделанные прежде проекты, а ту самую суматоху архитекторы и строители стремятся забыть как страшный белорусский сон.

Литература

Garnham H.L.,

1985 *Maintaining the Spirit of Place*, PDA publishers corporation.

Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В.,

1995 *Городская среда. Технология развития: Настольная книга*, Москва.

Стурейко С.А.,

2010 *Антропология архитектурного наследия: взгляд на Беларусь*, Минск.